

Шилов Юрий Валерьевич,
Кандидат юридических наук, доцент,
Профессор кафедры публичного права,
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

НЕКОТОРЫЕ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КИБЕРБУЛЛИНГА

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные виктимологические аспекты кибербуллинга и правовой ответственности в отношении агрессора. Автором обозначаются отдельные характеристики и категории жертв кибербуллинга, акцентируется внимание на отсутствие четких формулировок. В статье обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования механизмов правового регулирования и научно-правового сопровождения данной проблематики.

Ключевые слова: Кибербуллинг, виктимология, защита, правовое регулирование, ответственность.

Среди множества социально-психологических проблем, связанных с современным исследованием вопросов кибербуллинга, особенно в подростково-молодежной среде, значительное место занимает виктимология.

Специалисты отмечают, что виктимология - учение о жертве, имеющее предметом исследования жертву любого происхождения, как криминального, так и не связанного с преступлениями [1, с. 4].

Соответственно систематические агрессивные действия (издевательство, травля, угрозы и пр.), которые направлены против другого человека в социальных сетях, мессенджерах или иных современных средствах коммуникации (форумах, блогах, чатах и пр.), принято называть англоязычным термином «кибербуллинг» (cyberbullying) [2, с. 115].

Общепринятое понятие кибербуллинга на законодательном уровне в настоящее время не закреплено, что создает определенные сложности в вопросах привлечения к ответственности за подобные действия.

Например, если совершенные действия субъекта затронули нематериальные права другого лица (его честь и достоинство, деловую репутацию, семейную тайну, частную жизнь) и не привели к наступлению общественной опасности, то такое деяние будет квалифицироваться в соответствии с установленными нормами гражданского законодательства. При этом потерпевший вправе требовать в судебном порядке опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений (ч. 1 ст. 152 ГК РФ), а если такими действиями ему были причинены физические и нравственные страдания, то суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда (ч. 1 ст. 151 ГК РФ).

В свою очередь оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме, в настоящее время предусматривает административную ответственность на основании ст. 5.61 КоАП РФ. Если же подобные действия осуществлялись публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, то это квалифицируется по части 2 статьи указанного нормативного акта.

Также в уголовном законодательстве имеется ряд статей в соответствии с которыми кибербуллинг попадает под уголовно преследуемое законом преступление: клевета (ст. 128.1 УК РФ); нарушение неприкосновенности частной жизни, включая распространение личной

информации (ст. 137 УК РФ); угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ); доведение до самоубийства вследствие угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства (ст. 110 УК РФ); склонение к совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ); организацию деятельности, побуждающей к самоубийству (ст. 110.2 УК РФ).

Расхождения в понимании форм и типов кибербуллинга, отсутствие точного понимания их сути и содержания, недостаточное внимание к некоторым проявлениям индивидуально-личностных характеристик жертв, агрессоров и наблюдателей негативного сетевого контента, игнорирование особенностей и стратегий участия каждого из них в ролевой структуре кибербуллинга, малая исследованность виктимологических аспектов кибербуллинга в целом снижают эффективность превентивных мер и осложняют противодействие травле в сети [3, с. 9].

Ролевую структуру кибербуллинга принято рассматривать в контексте социального сетевого взаимодействия, где все участники – жертвы, агрессоры (преследователи) и наблюдатели за развитием ситуации – играют разные, как бы назначенные им роли и в значительной мере влияют на поведение друг друга [4, с. 17].

Вместе с тем исследователями отмечается, что роли могут меняться между участниками, то есть они не закреплены между ними, так жертва может стать агрессором, агрессор – жертвой, наблюдатели из пассивной роли могут перерасти в сторонников, которые поддерживают агрессора или перейти на сторону жертвы в роль защитника [5, с. 183].

Тем самым непредсказуемость и сменность ролей не позволяет четко составить виктимологический портрет идеальной жертвы, в целом, как и описание жертвы и наблюдателей. Однако авторы выделяют основные характеристики лиц, которые наиболее подвержены травле в сети: это пугливость, тревожность, замкнутость, отчужденность, заниженная самооценка, психосоциальные и эмоциональные проблемы, внешняя враждебность, неуверенность и тревожность при любой коммуникации, склонность к депрессии, суицидальному поведению.

Сегодня специалистами предлагается категорировать виктимологические характеристики в рамках буллинга с учетом воздействия агрессора на жертву: унижение жертвы; дискредитация жертвы; обман жертвы; угрозы жертве; сексуальное насилие и психологическое насилие над жертвой.

Так, унижение жертвы при наличии агрессивного поведения с целью провокации конфликта, не относится к системности, не являются угрозами физической расправы, то есть они относимы больше к нарушению морали и нравственности: бойкот (исключение жертвы из социальных групп, с целью изолирования); флейминг (обесценивание жертвы, унижение, оскорбление) [6, с. 54].

В свою очередь обман жертвы (поддельные профили): фрейпинг (получение контроля над чужой учетной записью в социальных сетях, предполагает публикацию нежелательного контента от имени владельца с целью получения выгоды) [7, с. 36].

Таким образом роль жертвы часто имеет решающий выбор в ситуации с кибербуллингом, виктимное поведение пользователей в сети также важно, ведь и оно может привлекать к себе внимание агрессора.

Основные направления решения проблем заключаются в совершенствовании действующего уголовного законодательства, разработке специальных норм, направленных на защиту прав и законных интересов граждан в области интернет-коммуникаций. Необходимо выработать критерии объективного доказательства связи между действиями преступников и последствиями, возникающими от кибербуллинга.

Сегодня важно расширять практику международного сотрудничества правоохранительных органов в борьбе с кибербуллингом, поскольку современные технологии позволяют преступникам действовать из разных стран, затрудняя расследование и усложняя судебное разбирательство.

Таким образом, кибербуллинг нуждается в понятном правовом закреплении на законодательном уровне, требует последующего глубокого изучения, с учетом развития цифровой сферы и возможных негативных последствиях виртуальной травли в киберпространстве.

Список литературы:

1. Малкина-Пых И.Г. Виктимология: психология поведения жертвы. (комплексный анализ феномена жертвы. подходы к индивидуальному консультированию. упражнения и техники). Москва: Эксмо, 2010. - 864 с.
2. Жихарева Л.В. Кибербуллинг как форма девиантного поведения личности в интернетпространстве // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2022. Т. 8. № 4. С. 115-119.
3. Айнутдинова К. А. Виктимологические аспекты кибербуллинга: жертвы и агрессоры сетевого взаимодействия // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики : Материалы VII Национальной научно-практической конференции, Казань, 16 февраля 2023 года. Казань, 2023. С. 8-13.
4. Солдатова Г.У. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. 2019. № 3 (35). С. 17-20.
5. Фоминых Е. С. Виктимологические аспекты взаимодействия в медиа пространстве // Виктимология. 2021. Том 8. № 2. С.183–188.
6. Колодезникова М.В. Кибербуллинг и его психологические последствия // The Scientific Heritage. 2020. Т. 5. № 56. С. 52–54.
7. Михалева Г.М. Буллинг и хейтерские кампании в сетях. Есть ли способы регулирования? // Труды по интеллектуальной собственности [Works on Intellectual Property]. 2022. Том 40. № 1. С. 36.

